

Глава 28. Произнести его имя

Хотя после отчёта Дзирайи Минато и догадывался о намерениях Рокэя, услышать это из первых уст оказалось нелегко. На сердце Четвёртого и без того лежало тяжёлое бремя, но в этот миг оно сжалось с новой силой.

Какаси из этого мира рос на его глазах. Двадцать лет в статусе учителя и ученика — Минато слишком хорошо знал, насколько этот мальчик горд, насколько отчаянно он прячет собственную уязвимость и боль от чужих глаз. Что же до Рокэя... Пусть характером он и отличался от местного Какаси, по сути своей они оставались одним и тем же человеком. Гибель близких, сквозь которую ему пришлось пройти в своём времени, без сомнения, стала его самым жутким воспоминанием. Трагедией, о которой не хочется и бессмысленно кричать на весь свет, — остаётся лишь в тишине ночи молча пережёвывать горькую тоску.

И всё же теперь он готов был собственноручно вскрыть эту кровоточащую рану на виду у всех. Минато понимал: Рокэй пошёл на подобное вовсе не ради того, чтобы просто обелить своё имя. Он сделал это, чтобы получить право остаться. Чтобы помогать им и довести до конца то, что считал своим долгом.

Припомнив правду, услышанную от Кусины, Минато только сильнее утвердился в этой мысли.

Дзирайя незаметно выскользнул в окно. Четвёртый Хокаге с нескрываемой жалостью и состраданием посмотрел на своего ученика из иного мира:

— Тебе вовсе не обязательно заходить так далеко. Достаточно было просто объяснить, что произошло с Рин. Едва ли кто-то усомнился бы в твоих намерениях после этого.

— Спасибо вам... — Рокэй на мгновение взгляделся в лицо учителя, а затем с тихим вздохом выдохнул слова благодарности.

Минато печально кивнул:

— Для извлечения воспоминаний лучше всего подошёл бы Иноити, но он сейчас тяжело ранен. Позовём Ямасиро Аобу. Пусть он и не из клана Яманака, но Техник Чтения Мыслей владеет мастерски. Вы ровесники, так что, полагаю, рядом с ним тебе будет чуточку легче.

— Полагаюсь на вас.

Связной ястреб с приказом Хокаге вылетел из окна, и уже через десять минут вызванный особый джонин прибыл на место. Выслушав объяснения Минато, Аоба быстро взял себя в руки и дал нерушимую клятву сохранить увиденное в строжайшей тайне.

Считывание памяти проходило в небольшой комнате отдыха прямо при кабинете Хокаге.

Прошло полчаса, прежде чем Аоба наконец вышел оттуда. В его руках покоился свиток.

— Всё готово, Господин Хокаге, — Аоба протянул свиток Минато, затем на секунду заколебался и, наклонившись к самому уху Намикадзе, тихо прошептал несколько слов.

Глаза Минато потрясённо расширились. Пальцы с такой силой сжали свиток, что бумага жалобно хрустнула. Потребовалось несколько секунд, чтобы он пришёл в себя. Бессмысленно глядя перед собой, Минато горестно зажмурился и со вздохом обессиленно разжал пальцы.

— Понимаю... — тихим, надломленным голосом отозвался Четвёртый. — Спасибо за работу. Иди отдохни.

— Если не вмешиваться извне, после Чтения Мыслей человек обычно приходит в себя минут через десять, — добавил Аоба, слегка поклонившись. — Но не уверен, действует ли это правило на тело Нечестивого воскрешения. Позвольте откланяться.

Когда Аоба ушёл, Минато ещё некоторое время стоял неподвижно, разглядывая свиток в своих руках. Он не спешил его распечатывать. Спустя пару минут он бережно положил его на стол, подошёл к комнате отдыха и осторожно толкнул дверь.

Рокэй уже очнулся и сидел на кровати — он совершенно не выглядел человеком, только что вынырнувшим из глубокого забытья. Когда Минато вошёл, серебряноволосый воскрешённый сидел, опустив голову, и заворожённо разглядывал свою раскрытую правую ладонь. Услышав звук шагов, он вскинул взгляд и инстинктивно спрятал руку за спину.

— Господин Четвёртый...

Договорить он не успел — перед глазами мелькнула золотистая вспышка.

— Прости меня, — Минато крепко обнял Рокэя, уткнувшись подбородком ему в плечо. Голос его дрожал у самого уха ученика. — Прости... Учитель тогда опоздал.

— Прости меня, Рин, — донеслось из-за закрывающейся двери палаты. Это говорил лежащий на койке Обито.

— Дурак... — тихо прошептала Рин, не сводя глаз с белого дверного полотна.

Она повернулась и пошла прочь. Час был поздний, в больничном корпусе царила мёртвая тишина, и только её собственные одинокие шаги эхом отдавались в гулком коридоре. Проходя мимо палаты Кусины, Рин на мгновение замедлила шаг. Поколебавшись пару секунд, она так и

не решилась войти и спустилась по противоположной лестнице.

Ей следовало бы зайти и поблагодарить Кусину, но сейчас было не время. Кусине требовался покой, а перед самой Рин стояла куда более важная и неотложная задача.

"Скрывать это и дальше бессмысленно. Рано или поздно я обо всём узнаю. И уж лучше услышать правду от тебя самого, чем от посторонних людей. Девушки, знаешь ли, очень долго помнят обиды!"

«Я вовсе не злюсь на Обито», — попыталась мысленно возразить себе Рин. Ей просто... претила собственная слабость и беспомощность.

Каждый раз, когда приходила беда, ей оставалось лишь стоять в стороне и смотреть, как сражаются другие, а потом оказывать скромную медицинскую помощь. Да и та ограничивалась исцелением плотских ран — перед душевными же увечьями она оказывалась совершенно бессильна. Будь она надежнее, обладай такой же сокрушительной силой и мастерством, как Госпожа Цунаде, — возможно, её товарищи по команде не взваливали бы весь груз ответственности только на свои плечи.

"Рин, Тоби — это я... Я из другого мира, ступивший на ложный путь."

Пусть до этого она и обижалась на Обито за скрытность, услышав это признание и увидав его потерянный, полный раскаяния взгляд, Рин мгновенно простила его. Но одна вещь не давала ей покоя: признавшись в том, что Тоби — это его альтернативное воплощение, Обито так и не открыл причину гибели Нохары Рин в том, другом времени. Неужели эта тайна была страшнее, чем статус врага всего мира?

Какова бы ни была правда, она несла в себе смертельный, жестокий яд — Рин отчётливо прочитала это в поведении Обито.

Но даже это не могло пошатнуть её решимости узнать истину.

Прибыв в центр деревни, Рин увидела, что в окнах кабинета Хокаге всё ещё горит свет. Намикадзе Минато, несущий на себе бремя управления Конохой, трудился ничуть не меньше тех, кто сражался на передовой. Девушка поднялась на второй этаж Башни и тихо постучала.

— Войди, — сразу же отозвался голос учителя.

Рин толкнула дверь. На удивление, Четвёртый не сидел за горами отчётов и документов. Он стоял перед огромной картой мира, занимавшей почти всю стену, прижав ладонь к одной из точек. Рин сразу узнала это место — остров Воды, где не так давно развернулся их бой с Тоби.

Учитель всё ещё анализировал ту битву?

— А, это ты, Рин, — Минато повернулся к ней. В его взгляде читалась глубокая печаль, но самому приходу ученицы он, кажется, ничуть не удивился. — Как там Обито и Кусина?

— С ними всё в порядке, — ответила Рин. — Раны Обито не представляют опасности, с его регенерацией он скоро снова будет на ногах. Куда больше беспокоит Шаринган: Господин Фугаку и медики клана Утиха сейчас выясняют, не приведут ли кровотечение и потеря остроты зрения после использования Сусаноо к необратимым последствиям. Кусина же восстановилась уже процентов на восемьдесят. Её держат в палате только для того, чтобы убедиться в отсутствии осложнений после проявления чакры Хвостатого. Если всё будет гладко, завтра её выпишут. Вокруг палаты дежурит отряд Спецназа во главе с Итачи-куном, а барьерщики выставили многослойную защиту.

— Вот и хорошо, — выдохнул Минато, и в его глазах наконец мелькнула тень облегчения. — Иноити и Старший Сакумо тоже миновали критическую фазу. К тому же рядом Цунаде, так что можно немного перевести дух.

— Учитель... — Рин на секунду замялась, но тут же решительно спросила: — Как... как Рокэй?

Жёлтая Вспышка ответил ей тяжёлым молчанием. Рин опустила голову, сжимая пальцами край жилета джонина.

— Я не знаю всех подробностей, но, похоже, Обито узнал от Тоби кое-что о том, что произошло между мной и Рокэем в том мире... Они ведь связаны особыми узами. Обито вёл себя очень странно... Будто вдруг усомнился в Рокэе и испугался снова считать его своим товарищем. Я спросила, связано ли это с гибелью той, другой Рин, и он не стал отрицать.

— И Дзираяя внезапно решил запечатать Рокэя по той же причине? Вы все что-то узнали, но никто не хочет мне ничего говорить. Учитель... Господин Четвёртый, я знаю, что мой ранг и звание не позволяют требовать доступа к секретным данным... Но именно об этом я просто обязана знать!

Минато подошёл к ней и мягко положил руку ей на плечо.

— Рин. Ты моя ученица, не нужно этих формальностей. К тому же я считаю, что если это твоё осознанное решение, ты имеешь полное право знать всю правду.

Рин вскинула голову, её глаза вспыхнули надеждой:

— Значит...

Но Минато уже отошёл к рабочему столу. Взяв единственный развёрнутый свиток, он вернулся

и бережно вложил его в ладони девушки.

— Но я надеюсь, что ты действительно готова к тому, что увидишь.

С того самого дня, когда она решила стать ниндзя, она была готова ко всему.

Жизнь шиноби — не детская забава. Они — наёмники войны, живое оружие, одновременно виновники и жертвы бесконечных бедствий и ненависти. Смерть и увечья ходят за ними по пятам.

Мало кому из ниндзя удаётся дожить до седин, а так называемый мир — лишь короткая передышка между боями. Все эти дни Рин не раз пыталась представить, какова была смерть её двойника из другого мира и какую роль в этом сыграл Рокэй, раз уж это вызвало такую бурную реакцию у Обито и Дзирайи.

Ей казалось, что она закалила своё сердце.

Но реальность оказалась неизмеримо, жестоко страшнее.

"Мы ведь обещали Обито, что я обязательно защищу тебя!"

Клятва, разбитая вдребезги телом, наскочившим прямо на сияющий клинок Райкири. Находясь внутри воспоминаний Рокэя, Рин не видела выражения лица юного серебряноволосого ниндзя, но то, как мгновенно затуманился его Шаринган, говорило без слов.

Та, другая Рин перед смертью лишь шепнула: «Прости...» Она была слишком тяжело ранена, из перебитого горла не вылетало ни звука, и лишь едва заметное движение губ стало её последним всплеском жизни. Заметил ли это Рокэй? Услышал ли её немой извиняющийся шепот?

Даже если и так, это уже ничего не могло изменить.

Память свитка накрыла её хаотичным калейдоскопом отрывочных образов: прижатый огромной каменной глыбой мальчик в синей одежде с размозжённой правой половиной тела... и её собственные дрожащие, окровавленные руки, державшие извлечённый Шаринган. Это был кошмарный отзвук другой битвы на мосту Каннаби, о которой ей когда-то рассказывал Обито.

Когда Рин вынырнула из глубин чужой памяти, реальный мир перед глазами расплывался, а по щекам струились обжигающие слёзы. Ослабевшие пальцы едва удерживали свиток. Она

беспомощно посмотрела на учителя, её губы мелкой дрожью пытались сложить хоть слово, но изо рта вырывался лишь тихий хрип.

Минато тяжело вздохнул:

— Рокэй сейчас у Дзираи.

— Простите... Учитель Минато... — всхлипнула Рин. — Я...

Не закончив фразы, она выскочила в окно и во весь опор устремила к дому Легендарного Саннина.

Теперь все пазлы сложились в единую, ужасающую картину. Рин наконец поняла, почему Обито тогда так резко оттолкнул руку Рокэя, когда тот пытался помочь, и почему сам Рокэй при их первой встрече смотрел на неё с такой невыносимой болью и чувством вины.

И почему Утиха Обито из того мира превратился в чудовище, жаждущее уничтожить всю реальность.

Всё это... вся цепочка кровавых трагедий произрастала из её собственной слабости. Какое она имела право обижаться на Обито за то, что тот пытался взвалить всю тяжесть на себя? На что вообще годна такая ниндзя, которая способна лишь тянуть своих товарищей на дно...

Дзирая жил неподалёку от Башни Хокаге. Когда Рин прибежала, седовласый Саннин сидел на веранде и печальным взглядом смотрел на залитый лунным светом пруд. У его ног лежал развёрнутый свиток. Увидев спрыгнувшую с ограды Рин, Дзирая на миг удивился, но тут же всё понял и неопределённо качнул головой в сторону дома:

— Ты к Рокэю?.. Он внутри.

Рокэй находился в кабинете. Когда Рин ворвалась в комнату, он только-только поднялся со стула. На столе лежал незавершённый отчёт под заголовком «Секретные сведения о Пяти Великих Державах и сопредельных малых странах», а в руке воскрешённого застыла кисть.

Рин бросилась к нему и обняла с такой отчаянной силой, что Рокэй невольно отшатнулся на шаг, и кисть со стуком выпала из его пальцев. Серебряноволосый шиноби замер, словно изваяние. Лишь спустя долгую паузу он тихо прошептал:

— Выходит... Учитель Минато всё-таки дал тебе прочесть тот свиток. Не думал, что это произойдёт так быстро.

— Если бы... если бы не история с Тоби... ты так и собирался молчать? — Рин судорожно прижималась к нему, но тело Рокэя оставалось ледяным, а из груди не доносилось ни единого удара сердца. От этой мертвенной тишины сердце Рин сжималось ещё сильнее, а слёзы лились с новой силой. — Прости меня... Это всё моя вина! Каждому из вас постоянно приходилось защищать меня, и потому... потому всё так обернулось...

Две трагедии из иного мира и последующий кровавый хаос — в конечном счёте все нити сходились к её собственной беспомощности. Как она вообще могла сметь осуждать Обито за его скрытность?

— Нет.

Прохладные ладони мягко легли ей на плечи. Рин подняла голову. Сквозь пелену слёз она увидела, как Рокэй бережно, с невероятной нежностью утирает её слёзы.

— Тебе не за что просить прощения. Даже той Рин из моего мира не за что было извиняться. Пусть Команда Минато просуществовала недолгий срок... но именно благодаря тебе я, Обито и Учитель могли со спокойной душой сражаться на передовой. Мы знали: что бы ни случилось, пока с нами Рин — мы выкарабкаемся. Долг медика — спасать жизни, и в этом ты была великолепным, сильным ниндзя.

— И даже в свой последний миг она решилась пожертвовать собой ради защиты деревни. Это был достойный, великий выбор настоящего шиноби. Я полностью понимаю и уважаю её решение. Окажись я на её месте, будь во мне запечатан Трёххвостый, я поступил бы точно так же.

— Ты — нет, — Рин с горечью посмотрела в его единственный открытый глаз. — Ты бы никогда не стал использовать своего товарища как орудие для самоубийства.

Движение его пальцев замерло. На мгновение в комнате воцарилась звенящая тишина. Затем Рокэй медленно опустил руки и, глядя ей прямо в глаза, едва слышно произнёс:

— Если бы это оставалось единственным способом спасти Коноху... я бы сделал это.

В кабинете снова стало тихо. Рокэй мягко высвободился из её объятий, отступив на шаг и увеличивая дистанцию. Рин тоже сделала шаг назад, зажмурилась и глубоко, ровно вздохнула.

Работа ниндзя-медика требует абсолютного хладнокровия и выдержки. Эмоциям не место там, где решается вопрос жизни и смерти.

— Но... — когда она заговорила снова, её голос уже звучал ровно и собранно, хотя в глазах всё ещё стояла глубокая затаённая боль. — Есть кое-кто, кто никогда не сможет смириться с подобным.

Воздух между ними словно заledenел. Рин открыла глаза и уставилась на Рокэя:

— Что ты намерен делать?

Рокэй опустил голову, его взгляд зацепился за упавшую на пол кисть. Помолчав некоторое время, он снова поднял глаза на Рин.

— Думаю, — тихо, без единой эмоции в голосе ответил он, — мне пора отправиться к Обито.

За сотни ри от Конохи, над Деревней Скрытого Дождя, висела редкая тишина. Дождь впервые за долгое время прекратился, и лунный свет, пробиваясь сквозь тучи, заливал холодным блеском стальные конструкции высотных башен.

На самом краю крыши западной башни замерла худая фигура, закутанная в тёмный плащ. Человек сидел на корточках, неподвижный, точно каменное изваяние.

Лёгкий порыв ветра чуть приподнял капюшон, и на мгновение в ночной тьме мелькнула серебряная прядь волос.

В воздухе за его спиной закрутилась пространственная воронка. Из закрутившегося пространства крупным шагом вышел Тоби. Оранжевая маска съехала в сторону. Он подошёл к застывшему силуэту, и вместе они уставились на северо-восток — туда, где за горизонтом лежала Деревня Скрытого Листа.

— Пора, — произнёс Тоби, надвигая маску обратно на лицо. — Пойдём к Какаси.

<http://bllate.org/book/19560/1933757>